

Цэнь Цзибай не хотел слишком сближаться с Линь Цзином. Чем ближе они становились, тем больше радости он испытывал, но в долгосрочной перспективе боялся, что не сдержит себя и начнёт строить козни против Линь Цзиня, как поступал с другими, вынуждая того выйти за него замуж.

Он, конечно, не желал ни принуждать, ни обманывать Линь Цзиня, но слишком уж сильно хотел этого...

Он любил Линь Цзиня из прошлой жизни, того, что остался лишь в его памяти.

Линь Цзинь из этого мира...

Линь Цзинь этого мира должен был вольно скакать по полям сражений, греметь оружием и доспехами, защищая Северные земли. Цэнь Цзибай хотел быть ему другом — как в прошлой жизни до свадьбы, когда они были друзьями, готовыми жизнь друг за друга отдать.

Цэнь Цзибай не мог вырваться, а Линь Цзинь пока ничего не знал о событиях на пиру и тихо ждал у входа в зал, где шло празднество. Зная о любви Цэнь Цзибая к военной стратегии, он специально переписал для него трактаты семьи Линь, дополнив их множеством примеров сражений, не упомянутых в исторических хрониках.

Второй брат говорил, что он в последнее время словно с ума сошёл — ставит третьего принца выше родного брата. Линь Цзинь хотел возразить, но не нашёл слов, чтобы заявить, будто Цэнь Цзибай не важен. Тогда он лишь бросил на брата взгляд своими прекрасными глазами и нарочито сказал: «Да, он для меня важнее, чем ты, братец, который любит чужие вещи отнимать». С этими словами он развернулся и ушёл, оставив Линь Ду одного в снегу.

Сейчас Линь Цзинь стоял под сливой в императорском саду и думал, что Сяо Чу не важнее второго брата, но и не менее важен.

Услышав шорох шагов по снегу, он обернулся, но того, кого ждал, не увидел.

— Второй брат... — тихо позвал он.

Это был Линь Ду, который его искал.

Услышав этот тон, полный нескрываемого разочарования, Линь Ду не знал, что ответить.

В прошлые годы из-за слабого здоровья он не участвовал в дворцовых пирах на Юаньсяо, а в этот раз, впервые попав на празднество, не нашёл особых отличий от торжеств в Дуанью или Чжунцю. Даже то, что Линь Цзинь пристрастился сбегать с Цэнь Цзибаем с подобных пиров, ничем не отличалось от того, что произошло в Дуанью.

Второй брат Линь вздохнул:

— На улице холодно, вернёмся в зал.

Вернувшись в зал, Линь Цзинь узнает, что у Цэнь Цзибая есть младшая двоюродная сестра, ради которой тот его и бросил.

— Я на сливы полюбуюсь, второй брат, иди первым. Тебе вредно на холоде, — отказался Линь Цзинь.

Линь Ду не желал, чтобы Линь Цзинь слишком сближался с Цэнь Цзибаем. Третий принц был

человеком глубокого ума, а Линь Цзинь, в отличие от своего товарища по учёбе Линь Сюня, относился к нему с чрезмерной доверчивостью — ничего хорошего из этого не выйдет. Линь Цзинь был его братом, и Линь Ду не хотел, чтобы тот стал вторым Сун Чжияо.

— Он не придёт, — тихо вздохнул Линь Ду.

Когда Линь Цзинь вернулся на пир, Цэнь Цзибай почувствовал его взгляд и поднял глаза, встретившись с полным негодования взором. Цэнь Цзибаю стало стыдно, он хотел поговорить с ним, но до конца празднества возможности так и не представилось.

С пятнадцатого дня двенадцатой луны до пятнадцатого дня первой луны чиновники царства Ся наслаждались целым месяцем отпуска. Линь Цзинь ещё отдыхал, но после полудня пятнадцатого числа должен был вернуться в лагерь, ведь с утра шестнадцатого начинались утренние тренировки. В тот день он попросил Линь Сюня передать трактаты Цэнь Цзибаю, а сам отправился в расположение подразделения Шэшэн, что в сотне ли отсюда.

Цэнь Цзибай написал ему благодарственное письмо, но несколько дней ответа не было. Видимо, Линь Цзинь на него обиделся. Цэнь Цзибай отправил несколько писем подряд, и лишь тогда Линь Цзинь снова начал отвечать, не упоминая о днях молчания.

В ночь на пятнадцатое число первого месяца правитель Ся снова остался в покоях госпожи Чжоу, а затем та ещё три дня подряд оставляла у себя нескольких приближённых служанок. Вскоре Сусинь обнаружила, что беременна. Но был ли этот ребёнок от правителя Ся, подтвердить никто не мог.

Госпожа Чжоу, обрадовавшись, щедро наградила её, нахваливая как возрождённого божественного лекаря. А яд, который госпожа Чжоу хотела использовать для убийства, Сусинь тоже приготовила и вручила ей.

Цэнь Цзибай продолжал жить в своём ритме: один день — занятия в Великой академии, другой — тренировки на конном поле, ожидая симптомов отравления.

Подсыпать ему яд для госпожи Чжоу было слишком просто. Защититься он не мог, да и не пытался, решив использовать ситуацию, чтобы завоевать больше доверия у Сусинь и ослабить бдительность самой госпожи Чжоу.

Но вместо собственного отравления Цэнь Цзибай дождался вести, что в дом Линь доставили тяжело раненного в подразделении Шэшэн Линь Цзиня.

Шэнь Лан, скрывавшийся под именем Цинь Су, снова обработал раны Линь Цзиня. Семья Линь ещё не успела вздохнуть с облегчением, как Линь Цзинь внезапно выкашлял сгусток кровавой пены.

Шэнь Лан поспешил его осмотреть. Кровохарканье, вероятно, не было связано с раной на боку, но точную причину ещё предстояло установить.

Линь Цзинь сказал, что в последние дни у него во рту часто ощущался привкус крови, но он не придал этому значения. Потом начал кашлять кровью, хотя других недомоганий не было. Он показался лагерному лекарю, тот сказал, что всё в порядке, и Линь Цзинь не стал беспокоиться, решив подождать до конца месяца и обратиться к дяде Циню дома. Но во время тренировки он вдруг потерял силы — уже поймав оружие противника, неожиданно разжал руку. Противник не сумел вовремя остановиться и нанёс ему глубокий удар в бок.

Столкнувшись со сложным случаем, Шэнь Лан воспрял духом. Он оценил цвет лица Линь Цзиня, положил руку ему на запястье, внимательно слушая пульс, то кивая, то качая головой.

Семья Линь с тревогой наблюдала за ним, но вдруг Цинь Су резко отпустил руку Линь Цзиня, отступил на два шага, и выражение его лица странно изменилось.

Госпожа Линь, увидев это, замерла, не в силах вымолвить ни слова, боясь, что Цинь Су скажет нечто ужасное.

— Цинь Су, — срочно произнёс великий генерал Линь, — что с нашим Сяо Цзинем?

Шэнь Лан покачал головой:

— Мне нужно подумать.

Услышав это, вся семья Линь погрузилась в печаль.

Симптомы Линь Цзиня не походили на отравление, но казались таковыми. Шэнь Лан внимательно их изучил и вдруг понял, что это похоже на один яд, о котором когда-то упоминала его дочь Сусинь. Та ненавидела своих родственников по боковой линии и хотела их отравить, но Шэнь Лан её отговорил. Однако Сусинь теперь находилась во дворце, и жизни их обоих были в руках третьего принца. Если это яд, который третий принц дал Линь Цзиню, то Шэнь Лан не смел его лечить.

Выйдя из дворика Линь Цзиня и вернувшись в свою комнату, он обнаружил, что его сопровождает Линь Ду, который закрыл за собой дверь.

— Дядя Цинь... — с почтением обратился Линь Ду. Вся семья Линь глубоко уважала этого странствующего лекаря, поэтому сыновья звали его «дядей». — Дядя Цинь, вы что-то обнаружили...

Из четырёх сыновей Линь второй, Линь Ду, был самым проницательным. Шэнь Лан не знал, догадался ли тот о чём-то, и лишь покачал головой:

— У второго господина слабое здоровье, весенний холод коварен, вам лучше поскорее вернуться в комнату и отдохнуть.

Шэнь Лан не хотел говорить правду, но Линь Ду не собирался рисковать младшим братом.

Он достал из рукава небольшой лоскут чёрной парчи и положил его на столик.

— Дядя Цинь, взгляните: птица, вышитая на этом куске, и та, что на вашем обычном платке, — не одна и та же?

Хотя нитки использовались разные, но поза и размер птицы совпадали — должно быть, работа одной вышивальщицы.

Линь Ду твёрдо сказал:

— Я носил этот лоскут в вышивальную мастерскую, и один старый мастер узнал, что это особая техника вышивки из района Хуачэн в царстве Юй. Дядя Цинь, вы из Юй?

— Что, второй господин хочет арестовать меня как шпиона из Юй? — В душе Шэнь Лана бушевали волны, но внешне он старался сохранять спокойствие.

— Дядя Цинь — мой спаситель, как же я могу арестовать вас как шпиона? — ответил Линь Ду.
— Дядя Цинь говорил, что вы из Лочжоу, и моя семья проверяла — это правда. Но я раздобыл этот кусок парчи с ароматическим мешочком третьего принца и провёл ещё одно расследование... Дядя Цинь, вы ведь не из Лочжоу?

— Если дядя Цинь что-то обнаружил, если ранение младшего брата подозрительно, не могли бы вы сказать мне? Дядя Цинь не хочет говорить... это как-то связано с третьим принцем? — продолжил Линь Ду. — Но раз дядя Цинь спас мне жизнь, вы не стали бы вредить моему третьему брату.

Шэнь Лан, видя, что скрывать бесполезно, да и услышав слова «третий принц», опасаясь за жизнь Сусинь, вздохнул и рассказал всё.

Болезнь Линь Ду была врождённой слабостью, усугублённой ошибочным лечением прежних лекарей. Его состояние стабилизировалось, но без двух-трёх лет тщательного ухода со стороны Шэнь Лана он долго не прожил бы. Поэтому Шэнь Лан ещё надеялся на свои козыри.

— Так это он... — вздохнул Линь Ду. — Вы можете приготовить противоядие?

Шэнь Лан ответил:

— Пока не могу точно сказать, что это яд Сусинь. Чтобы приготовить противоядие, нужно сначала понять, что это за яд. Кроме того, без разрешения третьего принца я не могу...

<http://bllate.org/book/15933/1424015>